

The book cover features a woman with dark, wavy hair and a serious expression, wearing a dark, long-sleeved dress. She is holding a brass compass in her right hand. The background is a dramatic seascape with a ship's mast and rigging visible. The sky is filled with dark, swirling clouds, and the sun is setting or rising, creating a golden glow on the horizon. In the foreground, a brass lantern is lit, and a map is partially visible. The title 'ХРОНИКИ СНЕЖНОЙ' is written in large, ornate, golden letters. Below the title, the subtitle 'Книга 3: Компас не врёт' is written in a smaller, simpler font. At the bottom, the author's name 'Кристина Соль' is written in a large, elegant font.

ХРОНИКИ СНЕЖНОЙ

Книга 3: Компас не врёт

Кристина Соль

Кристина Соль

Хроники Снежной.

Книга 3. Компас не врёт

<https://litres.ru/74272434>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я умерла в открытом море. По крайней мере, так должны были решить все, кто видел тело Аглаи — лекарского подмастерья на торговом паруснике «Полуночная звезда».

Очнувшись в её теле, Ирина Снежная понимает: её отравили. Официально — испорченная солонина. Неофициально — на корабле один за другим погибают самые опытные члены команды, а каждую смерть списывают на проклятие груза и гнев моря.

До ближайшего берега — долгие недели пути. Бежать некуда. Любая ошибка мгновенно становится известна всей команде.

Единственный человек, готовый слушать доводы разума, — штурман Тимофей. Но даже его доверия может оказаться недостаточно, если против них суеверия, страх и тот, кто давно превратил чужую веру в идеальное оружие.

Чтобы выжить, Ирине предстоит доказать: море не убивает. Убивают люди.

Третья книга цикла «Хроники Снежной». Читается самостоятельно.

Кристина Соль

Хроники Снежной.

Книга 3. Компас не врёт

Глава 1. Соль во рту

Когда я очнулась, в кулаке было зажато тёплое кольцо. Тесная каюта пахла смолой и чужим потом. Я поднялась на ноги и сделала первый шаг к двери — навстречу голосам, крикам с палубы и свежему солёному воздуху.

Дальше я помню не так много, как хотелось бы.

Пол качнулся подо мной — не резко, а тем медленным, тошнотным креном, каким качается палуба в спокойную погоду, если что-то не в порядке не с морем, а с собственным телом. Я успела ухватиться за косяк, успела подумать: рано радовалась, что тело крепче прежних, — а потом ноги перестали держать вес, и последнее, что я видела перед тем, как палуба и потолок каюты поменялись местами, — обрывок пергамента со списком имён, соскользнувший с моей ладони

и упавший туда, куда я уже не могла дотянуться.

Голоса приблизились быстрее, чем я успела испугаться. Мужской, встревоженный, где-то совсем рядом:

— Аглая! Аглая, ты меня слышишь?

Значит, так меня теперь зовут.

Я хотела ответить, но горло свело судорогой — не от дыма на этот раз, а изнутри, той особой спазматической волной, которая приходит после яда, а не после огня. Живот скрутило вслед за горлом, и следующие несколько минут я помню только частями: чьи-то руки, переворачивающие меня на бок, чей-то голос, требующий принести воды и «то снадобье, что осталось от старого лекаря», скрип переборок и гул воды за бортом — вечный, безразличный к тому, что происходит внутри деревянного корпуса.

Когда сознание вернулось настолько, чтобы снова складывать мир в связную картину, я лежала на узкой койке в поме-

щении, которое можно было назвать лазаретом лишь с большой натяжкой, — низкий потолок, ряд полок со склянками и мешочками сушёных трав, качающийся на крюке фонарь, бросающий пляшущие тени на дощатые стены. Во рту стояла та особая, вязкая солёность, что остаётся после рвоты и морской воды одновременно, — вкус, который я запомню, кажется, дольше, чем само лицо человека, склонившегося надо мной.

— Лежи, — сказал тот же голос, мужской, теперь ближе. — Не пытайся вставать.

Я повернула голову — движение отозвалось острой, режущей болью где-то за грудиной — и увидела молодого мужчину, обветренного, с обеспокоенным лицом человека, привыкшего к штормам, но не привыкшего к виду умирающих у себя на глазах.

— Кто ты? — спросила я, и голос вышел хриплым, едва слышным за скрипом корабля.

— Тимофей, — сказал он. — Штурман. Ты не помнишь

меня?

Я не ответила сразу, оценивая ущерб методично: судорога в животе, спазм в горле, ломота в суставах, которую сложно списать на обычную качку. Симптомы складывались в картину куда более узнаваемую, чем мне хотелось бы признавать вслух прямо сейчас.

— Что случилось? — спросила я вместо ответа.

— Тебя нашли без сознания у трапа, — сказал Тимофей. — Судовой кок клянётся, что солонина была свежей. Но ты не первая за последние недели, кому стало плохо после ужина, Аглая, и я начинаю думать, что дело не в солонине вовсе.

За его спиной завозился кто-то ещё — пожилой матрос с обветренными руками и сединой в бороде, державший в руках кружку с мутноватой жидкостью. Боцман Северьян, как я узнаю чуть позже.

— Выпей, — сказал он, поднося кружку к моим губам. —

Отвар от старого лекаря Данилы, других снадобий у нас не осталось.

Я сделала над собой усилие, чтобы проглотить горькую жидкость, и вернулась взглядом к Тимофею.

— Сколько у меня времени, — спросила я, — если это не пройдёт само?

Он не ответил сразу, и в этом молчании было куда больше правды, чем в любых утешительных словах.

— От такого же недуга третьего дня слёг матрос Кузьма и не поднялся, — сказал Северьян, не дожидаясь, пока ответит Тимофей. — Я не хочу тебя пугать, Аглая, но лгать тебе тоже не стану.

Я закрыла глаза на секунду, позволяя себе унять зарождающуюся панику единственным способом, который всегда работал прежде: превращая страх в список фактов, требующих проверки. Кто-то ещё умер от того же самого несколько

дней назад. Значит, это не единичный случай. Значит, есть закономерность, а закономерность можно найти.

— Мне нужно видеть записи лекаря Данилы, — сказала я, открывая глаза. — Если он вёл записи о больных до меня.

Тимофей и пожилой матрос переглянулись.

— Данила пропал три недели назад, — сказал Тимофей медленно, — за два дня до того, как мы отчалили из последнего порта. Официально — сбежал на берег, испугавшись долгого плавания. Но записи свои он оставил на борту, в своём сундуке. Я принесу их тебе, если тебе от этого станет спокойнее.

— Станет, — сказала я, чувствуя, как решимость, ещё слабая, но уже узнаваемая, начинает пробиваться сквозь слабость отравленного тела. — Мне нужно понять, что убивает людей на этом корабле, Тимофей. Прежде чем это доберётся до кого-то ещё.

Он посмотрел на меня долго и кивнул, поднимаясь, чтобы принести обещанные записи.

Пожилой матрос, всё ещё держа опустевшую кружку, по-медлил у двери.

— Данила говорил перед исчезновением, что видел на корабле что-то, чего видеть не должен был, — сказал он тихо. — Я тогда посчитал это стариновским бредом. Теперь, глядя на тебя, я в этом не уверен.

Он вышел, оставив меня одну в качающемся полумраке лазарета, среди запаха сушёных трав и скрипа корабельных досок, — и я лежала, слушая далёкий, ровный гул воды за бортом, чувствуя, как знакомая ясность цели проступает сквозь тошноту и слабость отравленного тела.

Где-то за этими досками, среди людей, верящих в морское проклятие сильнее, чем в яд и расчёт, скрывался кто-то, готовый убивать снова и снова, тихо, лишь бы никто не задавал слишком много вопросов о том, что на самом деле лежит в трюме этого корабля.

Я не собиралась молчать.

Глава 2. Сундук лекаря

Тимофей вернулся быстрее, чем я ожидала, — с тяжёлым деревянным сундучком под мышкой, потемневшим от морской сырости, с медными уголками, стёршимися до тусклого блеска.

— Вот, — сказал он, ставя сундучок на низкий столик у койки. — Личные вещи Данилы. Никто не решился их выбросить или продать в порту — не из уважения, если честно, а из страха: вдруг покойный или пропавший лекарь всё-таки вернётся и спросит, где его добро.

— Он не покойный, — заметила я. — Ты сам сказал, что официально он сбежал на берег.

— Официально, — согласился Тимофей, — но за три недели плавания без единой весточки я начинаю сомневать-

ся, что человек, проживший на этом корабле пятнадцать лет, просто взял и сбежал, никому не сказав ни слова и бросив собственный сундук с инструментами.

Я попыталась сесть, чувствуя, как тело отзывается слабостью, но уже не той разрушительной тошнотой, что несколько часов назад.

— Помоги мне открыть, — попросила я.

Тимофей откинул крышку, и внутри обнаружился тот беспорядочный, но по-своему логичный набор вещей, что скапливается у человека, посвятившего жизнь одному ремеслу: связки сухих трав, глиняные баночки с притёртыми крышками, несколько хирургических инструментов, завёрнутых в промасленную тряпицу, и, на самом дне, потрёпанная тетрадь в кожаном переплёте, разбухшая от влаги.

Я взяла тетрадь в руки. Сама логика записей, дата за датой, симптом за симптомом, выдавала человека, привыкшего искать систему там, где остальные видели волю случая.

— Ты можешь это прочесть? — спросил Тимофей, заглядывая через плечо.

— Могу, — сказала я и раскрыла тетрадь на первой странице.

Первые записи были рутинными: перечисление обычных хворей матросов, ушибов, вывихов, простуд после ночных вахт под дождём. Но примерно за месяц до предполагаемого исчезновения Данилы тон записей менялся — короче, тревожнее.

«Второй матрос за неделю жалуется на боль в животе и жар после ужина, хотя ели все одно и то же. Проверил остатки солонины — гнили не вижу. Подозреваю, что дело не в порче припасов, а в чём-то, что подмешивают уже после раздачи еды, и только некоторым».

— Тимофей, — сказала я, — он подозревал то же самое, что подозреваешь ты.

Тимофей долго молчал, глядя на страницу тетради.

— Кого именно он называет? — спросил он наконец.

Я пролиستала дальше и нашла список, составленный аккуратным почерком: три имени, против каждого — короткая пометка о симптомах и дате.

— Кузьма, — прочитала я вслух. — Тот, что умер третьего дня. И ещё двое, чьи имена я пока не слышала.

— Северьян говорил про боцманова помощника, — сказал Тимофей медленно. — Списали на берег в предыдущем порту, якобы по болезни. И юнгу, что якобы упал за борт в шторм два месяца назад. Тела так и не нашли, но в шторм это обычное дело.

— Что объединяет этих людей, кроме симптомов? — спросила я.

Тимофей взял тетрадь из моих рук, листая дальше самостоятельно.

— Вот, — сказал он наконец, указывая на короткую записку. — «Боцманов помощник говорил мне о лишнем грузе в трюме номер три, не значащемся в декларации. Юнга видел ночью, как кто-то спускался туда без фонаря смотрителя. Я не уверен, стоит ли мне спрашивать об этом суперкарго напрямую».

— Суперкарго, — повторила я. — Онисим.

В дверь лазарета осторожно постучали. Внутрь заглянула молодая девушка с подносом — светловолосая, худенькая, с настороженным, но добрым выражением лица.

— Кок прислал тебе поесть, — сказала она. — Говорит, если совсем ничего не съешь, сил на выздоровление не останется.

— Спасибо, — сказала я. — Как тебя зовут?

— Марьяна, — ответила она, чуть удивившись вопросу.
— Ты правда пошла на поправку?

— Марьяна, ты не знаешь, кто в последние недели спускался в трюм номер три без разрешения смотрителя груза?

Она побледнела чуть заметно, оглянувшись на дверь.

— Не стоит спрашивать об этом громко, — сказала она тихо. — Онисим не любит, когда матросы суют нос в грузовые декларации. Но недавно... — она замаялась, — недавно я видела, как боцман Северьян сам спускался туда ночью, хотя это не его обязанность.

Она ушла быстро, и я перевела взгляд на Тимофея.

— Боцман Северьян, — сказала я, — тот самый, что первым рассказал мне о смерти Кузьмы.

— Тот самый, — подтвердил Тимофей мрачно.

Мы посмотрели друг на друга, и в этом взгляде читалось одно и то же: список подозреваемых, ещё час назад казавшийся мне пустым, начинал обрастать именами быстрее, чем хотелось бы для спокойствия.

— Мне нужно увидеть трюм номер три своими глазами, — сказала я. — Как только смогу встать без посторонней помощи.

— Не сегодня, — твёрдо сказал Тимофей. — Дай телу хотя бы день.

— Хорошо, — сказала я. — День. Не больше.

Он кивнул, забирая тетрадь Данилы и пряча её обратно в сундук.

Глава 3. Три мачты

К утру следующего дня я смогла встать без посторонней помощи, и слабость в теле Аглаи отступала быстрее, чем позволяла надеяться вчерашняя тошнота.

Тимофей встретил меня у выхода из лазарета.

— Держись за поручни, — сказал он вместо приветствия.
— Качка сегодня сильнее обычного.

Мы поднялись на верхнюю палубу, и я впервые за это утро увидела «Полуночную звезду» целиком — три высокие мачты, туго натянутые паруса, палуба, кишущая людьми.

— Корабль идёт третий месяц без остановки в порту, — сказал Тимофей. — Течения в этих широтах капризнее обычного в это время года.

— Что мы везём? — спросила я.

— Официально — пряности и ткани, — ответил Тимофей, понижая голос. — Неофициально, судя по осадке корабля и по тому, что часть трюма опечатана даже от меня, там ещё что-то, о чём знают только Онисим и, возможно, капитан.

Мы прошли мимо группы матросов у борта — один из них, пожилой, — матрос Аверьян, как я узнаю позже, — разбрасывал по волнам щепотки соли из холщового мешочка.

— Что он делает? — спросила я тихо.

— Задабривает море, — ответил Тимофей. — После смерти Кузьмы половина команды уверена, что мы везём что-то, прогневавшее воду.

Мы спустились по трапу на среднюю палубу, где располагались капитанская каюта и, чуть дальше, дверь, ведущая к грузовым помещениям, — массивная, окованная железом.

— Трюм номер три, — сказала я, останавливаясь.

— Не подходи слишком близко, — предупредил Тимофей, беря меня за локоть.

Я отступила, запоминая расположение двери, количество замков, отсутствие окон поблизости.

Мы продолжили путь, и вскоре навстречу нам вышел высокий, полный мужчина в форменном сюртуке, потемневшем от соли. Капитан Родослав.

— Тимофей, — сказал он, останавливаясь. — Вижу, наша лекарка снова на ногах. Хвала морю за милость.

— Хвала морю, — эхом откликнулся Тимофей.

— Аглая, — обратился ко мне капитан, — я рад, что море решило вернуть тебя нам. Но должен предупредить: не всем

на борту нравится, когда лекарь задаёт слишком много вопросов о причинах хвори. Люди напуганы. Напуганные люди ищут виноватых, а не объяснений.

— Я понимаю, капитан, — сказала я. — Я хочу лишь вылечить тех, кто ещё может быть спасён, и понять, что убивает остальных.

Родослав долго смотрел на меня.

— Матвей... — он осёкся, будто оговорившись, и нахмурился, потеряв висок. — Прости. Данила, я хотел сказать. Данила говорил похожие слова перед тем, как исчез. Надеюсь, твоя судьба сложится иначе.

Я почувствовала, как что-то холодное скользнуло по спине при звуке этой оговорки, — не потому, что имя показалось мне знакомым по этому миру, а потому, что оно было знакомым мне самой, из жизни, прожитой в другом теле.

— Простите, капитан, — сказала я осторожно, — что вы

сейчас сказали?

— Я оговорился, — ответил Родослав, слегка смутившись. — Устал, наверное. Всё чаще путаю имена в последние недели.

Он кивнул нам обоим и пошёл дальше, оставив меня стоять на месте с ощущением, будто пол снова качнулся под мной — не от корабельной качки на этот раз.

— Что с тобой? — спросил Тимофей, заметив моё замешательство.

— Ничего, — сказала я. — Просто устала больше, чем думала.

Мы вернулись к перилам верхней палубы.

— Мне нужно поговорить с боцманом Северьяном, — сказала я наконец. — Аккуратно, не показывая, что мы по-

дозреваем его в чём-то конкретном.

Тимофей кивнул.

За спиной, где-то в глубине корабля, скрипели переборки в такт качке, а далеко внизу, в опечатанном трюме номер три, хранилось нечто, ради чего кто-то на этом корабле был готов убивать снова и снова.

Глава 4. Царапина

Крик донёсся с нижней палубы ещё до рассвета. Я вскочила с койки прежде, чем успела до конца проснуться.

В коридоре меня догнала Марьяна, бледная, с фонарём в дрожащей руке.

— Кондрат, — сказала она задыхаясь. — Молодой матрос, из новеньких. Его нашли скрюченным у бочек с водой, весь в поту, не может подняться.

Мы поспешили вниз, в тесный кубрик, где вокруг скорченного на полу молодого мужчины уже собралась встревоженная толпа матросов.

— Дайте пройти, — сказала я, проталкиваясь сквозь толпу.

Кондрат лежал на боку, дыхание частое и поверхностное, кожа бледная, покрытая липким потом.

— Помогите его перевернуть на спину, — сказала я, опускаясь на колени рядом с больным.

— Не трогай его! — раздался голос из толпы, и вперёд выступил Аверьян. — Его коснулся гнев моря. Нужно дожидаться отца Фрола с обрядом очищения.

— Я лекарь этого корабля, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно и спокойно одновременно. — Если это действительно гнев моря, обряд отца Фрола ничему не

помешает, когда он придёт. Но если это яд или болезнь, каждая минута промедления стоит Кондрату жизни.

— Она права, — вмешался Тимофей. — Дайте лекарю делать своё дело.

Марьяна метнулась за водой и рвотным средством, а я продолжила осмотр, ища на теле Кондрата хоть какой-то след, объясняющий способ отравления, — и нашла его быстро: небольшую царапину на предплечье, воспалённую сильнее, чем позволял бы обычный порез.

— Его не просто накормили ядом, — сказала я тихо, обращаясь к Тимофею. — Что-то ввели через кожу, недавно, судя по воспалению.

Марьяна вернулась с водой и травами, я развела их и заставила Кондрата выпить получившуюся горькую смесь. Через четверть часа он уже мог сидеть самостоятельно.

Но толпа, вместо облегчения, отреагировала на его выздо-

рование растущим ропотом.

— Она сняла проклятие без обряда, — прошептал кто-то.
— Это неправильно.

— Гнев моря — не единственная причина болезни, — сказала я, вставая. — Кто-то отравил Кондрата, введя яд через кожу. Не море. Человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.